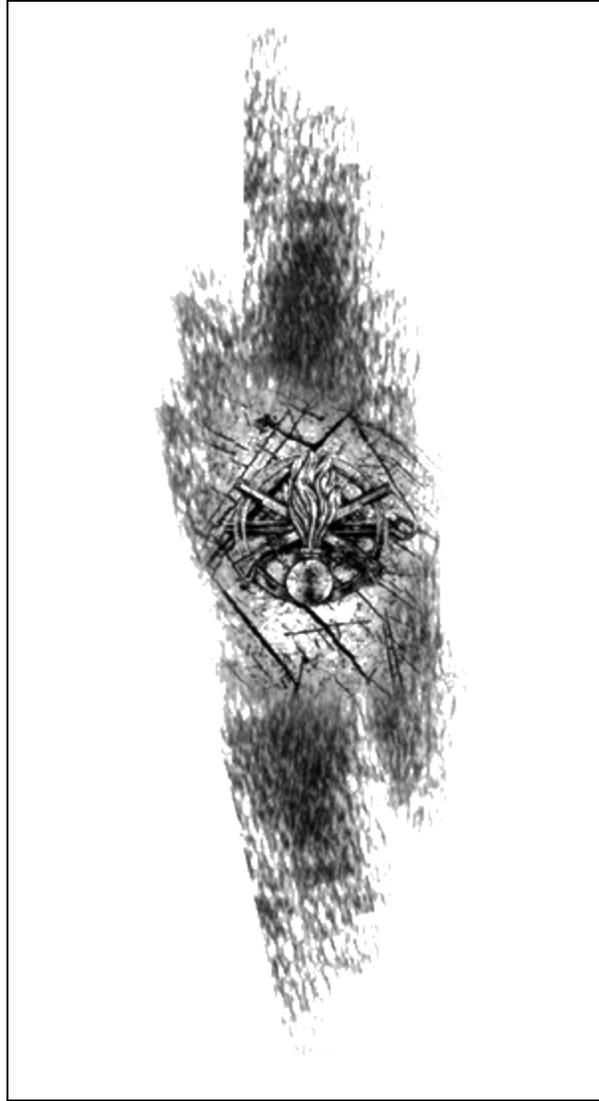

Мартин Брест

Пехота

Эту книгу я посвящаю своему отцу, самому сильному, умному и упрямому человеку на всей земле

Вместо предисловия

Неделя вторая.

На восьмой день Бог создал взводный опорный пункт и населил его воинами.

Посмотрел на все это и понял, что это хорошо. Потом воины нарыли себе спостэрэжных постов, прикатили цевешку, не докопали капонир и забросали все вокруг банками из-под тушенки.

Увидел это Бог, опечалился и сотворил паспорт ВОПа, карточки вэдэння вогню и зошыт спостэрэження. Воины взроптали, нагоптали дорожку в ближайший магазин и начали копать второй капонир, но опять не докопали.

Увидел Бог это, покачал головой и сотворил штаб батальона и двух замполитов в нем. Потом-таки решил, что это слишком, и одного замполита превратил в зампотыла. Воины вздохнули, расписали наряды, почистили зброю и сели ждать дембеля.

Увидел это Бог, смилостивился и сотворил дембель, но сделал его очень далеким. Воины опечалились, попили чаю, сходили в наряды и опять стали ждать, но теперь уже ротации.

Увидел это Бог и создал штаб сектора и проверки из него. Опять взроптали воины.

Тогда Бог сотворил «місце розряджання зброї» и «форму тридцать восемь на авто- и бронетехнику». Пуще прежнего взроптали воины. Бог сотворил бэхи-единички, лопнувшие трубки, долг перед складом по тосолу и е-декларирование. Воины вздохнули и... пережили и это.

И тогда Бог улыбнулся и произнес:

«Нормальные пацаны. Будут моими любимцами. Нарекаю их ПЕХОТОЙ». Пехота возликовала и уебала по сепарам с СПГ.

И попала.

Увидел Бог и понял, что это хорошо.

Бог любит пехоту.

Несколько дней пехоты

День первый

Бой заканчивается ближе к ночи. Ну как, заканчивается, просто на каком-то моменте мы понимаем, что контратаки сегодня точно не будет. Черт его знает, почему — вроде ничего не изменилось, мины все так же падают из холодного неба, но вот понятно становится, и все тут.

Телефон тут не ловит. Я стою на широкой, засыпанной крупным щебнем дороге возле карьера и тщетно пытаюсь чиркать мокрой зажигалкой. Холодает, слева раздается треск — бэха задом заползает в высокий кустарник, как будто ворочается, устраиваясь поудобнее, а из люка виднеется белозубая улыбка Козачка. А где Козачок, там и Прапор — и точно, Прапор сидит сверху на башне и громко рассказывает Козачку, как тот не умеет водить боевую машину, что сдавать назад нужно по зеркалам и останавливаться точно посередине паркоместа. Козачок ржет, машина ревет, выплевывая теплый грязный выхлоп в высокий кустарник. Мимо проносится бэтэр разведроты семьдесятдвойки, торопит убраться из нашего нового дома, который мы заняли ровно десять с половиной часов назад.

Я спускаюсь с дороги к посадке, тут на три метра вбок и на два метра ниже, присаживаюсь на камень и тянусь, снимая закипевший чайник с красного газового баллона. Чайник белый, с каким-то дурацким цветочком на боку, абсолютно домашний, и я также совершенно по-домашнему втягиваю руку в рукав и хватаю горячую черную ручку через ткань зимней «горки». Мысли тяжело перекачиваются в голове, сталкиваясь между собой холодными глыбами. Чай... Вот он. Что-то говорит мне Юра Лом, показывая на фырчащую бензопилу — я машу рукой и переступаю ботинками в ледяной грязи. Потом, все потом. Есть часа четыре для отдыха, посты стоят... Не спать.

Холодно.

Десять с половиной часов назад.

... Ногу вот сюда поставить, другую — вот сюда, и рывком, рывком забросить себя наверх. Трехточка спасает — пулемет ложится на колено, ладонь в мокрой грязной перчатке опускается на какой-то выступ, пальцы обхватывают ледяной металл — и дрожь боевой машины тут же передается по всему телу, мурашки пробегают по спине, и ты вдруг почему-то улыбаешься.

Хочется курить.

Толчки, хохот — рядом с тобой плюхается Хьюстон, умащивает свою свдшку и кричит тебе в ухо:

— Мартин, глянь на Бабака!

Высокая неуклюжая рыжая собака крутится вокруг рычащей машины, иногда лает, кто-то ругается, кто-то скользит по броне — и его в шесть рук хватают, усаживают рядом, ржут и пихают.

— Нахуй от пушки! — уже ору я, и масса людей начинает сдвигаться по бортам, хлопают задние двери, падает на колени гранатомет, комья грязи обрываются с ботинок, с передней машины Танцор что-то кричит нашему мехводу, и Козачок в ответ энергично машет головой, едва не стукаясь о края люка. Я всегда пропускал момент старта, толчок — и бэха-двойка разгоняется, и впереди — корма первой машины, вдруг выглядывает солнце, я

оглядываюсь, пытаюсь впечатать в себя эту картинку — старый воп, опора, голые серые деревья, склон террикона и пятерых человек, которые остаются.

Ровно через две минуты две бэхи с опущенными пушками и ротой на броне вылетят на КПВВ «Новотроицкое» и попрут прямо на очередь машин «от сепаров — к нам», проскочат в проход между синей пятеркой и мерсом-бусиком, отпрыгнувшим в последний момент, взрыкнут и уйдут на поле.

Через десять минут восемнадцать человек, которые называли себя второй эльфийской, ссыпаются с брони и разбегаются кругом, я подойду к Танцору и нарочито небрежно вытащу измятую пачку «Прилук», он скажет:

— Ну, давай уже сигарету.

Мы вкусно закурим, он скажет:

— У тебя норм, людей расставил?

Я махну головой и вдруг увижу в его глазах...

Еще через несколько минут я увижу это же в глазах Мастера, Вахонина, Прапора, Казачка, Ярика, у всего ядра роты. И пойму, что такое же выражение — и у меня.

Тяжелая машина крутнется, вдвигаясь в поворот, Ломтик замашет своими длинными руками в слишком короткой для него куртке, моя каска останется в бэхе, а я включу коллиматор и полезу на склон, пытаюсь смотреть под ноги.

В голове моей будет стучать *come with me now*, во рту — кофеиновая жвачка, в берцах — замерзшие ноги, и ветер начала весны будет толкать в спину.

Нам скажут потом, что мы здесь — на три дня, пока нас не сменят.

... Пехота приезжает на бэхах, сверху. То есть — в нарушении правил, но с правилами у нас изначально не сложилось, как и вообще в мобилизованной армии. Иногда это шло на пользу, иногда — во вред, но тут уж от командира зависит. Внутри машин лежит длинная туша СПГ, десять скрученных осколочных и шесть кумулятивов, две ракеты на птур, стрелковый бэка в коробках и цинках и длинное тяжелое тело ДШКМ.

Ярик, выдохнув и выплюнув сигарету, трогает на своем бронике гильзы патронов на пулемет, рывком выдирает «дашку», взваливает на плечо и, покачиваясь, уходит прямо через жесткий мартовский кустарник на край карьера. Вот он, Докучаевск, лежит прямо перед нами, и, видит Бог, мы все задаем себе один и тот же вопрос: «Почему не взяли?» и только иногда: «Слава Богу, что не взяли». Следом к задним дверкам бэхи подходят Ляшко и Хьюстон, еще одна неразлучная парочка из гранатометчика и снайпера. Ляшко вздыхает и хлопает себя по ляжкам, смотрит на Хьюстона. Хьюстон, примерно в полтора раза больше и тяжелее товарища, кивает на холодное нутро машины.

— Давай вже, хватай та пішли. Звання треба отрабатувати. — Хьюстон закидывает за спину свдшку и первым тянет зелёный тубус ракеты для птура, которая всего на четыре года моложе меня и на четыре же года старше Хьюстона.

— Не, ты не перегибай, — тут же откликается худой и жилистый Ляшко, недавно получивший младшего сержанта, но нагибается и тянет вторую ракету.

Они хватают тяжелые тубусы в охапку и, переругиваясь, уходят вслед за Яриком. Где-то там, чуть дальше по краешку огромной доломитной ямы, на том ракурсе, с которого можно надежно прикрыть идущую из Докучаевска к нам дорогу, сидит разведчик с установкой 9П135М и одной ракетой. Кто-то из наших вытягивает тяжеленный станок под ДШКМ пытается взгромоздить его на плечо, я подскакиваю, мы вдвоем поднимаем неудобную

треногу и несем по почти натопанной тропинке. Тяжелая, зараза.

Мартовская ночь аккуратно наползает на карьеры, терриконы, посадки, начинает сыпать мелким холодным дождем, пытается пробраться ледяными пальцами к спине, забрать, выдуть остатки тепла из-под мокрой куртки. Командир мой где-то ходит, я вообще-то остался для того, чтобы прикинуть, как ночевать, ну и вообще — типа быть тут, на месте ночевки, главным, но «главность» моя настолько не нужна маленькой мотопехотной роте, проведенной на войне уже примерно девять месяцев, что я прусь на позицию. Где-то над нами пролетает серия из трех мин и падает далеко, метрах в трехстах. Сепары не знают точно, где мы, бьют наугад, их две «Ноны» мечутся по дороге, прикрываясь дачным поселком, и сыплют мины, кажется, безостановочно.

— Дэ вы, мля, лазытэ! — Ярик, кажется, выхватывает у нас из рук станину и начинает ее пинками раскладывать в какой-то удивительно удобной ямке на краю.

Я сажусь — нехер тут маяковать и лишний раз палить позицию. Темнеет, становится еще холоднее. Парни цепляют дашку на крепление и вертят, проверяя. Кто-то приносит коробки с лентами, Ярик сует мне в руки тепловизор. Черт, опять я почти не слышу, что говорят. Зажигается черно-белая картинка, и вместе с клацаньем затвора пулемета я поднимаюсь. Сначала быстрый взгляд вдоль дорог, потом — потихоньку, слева направо, медленно и внимательно. Есть? Нет, фигня, показалось. Теплак так далеко не берет.

— Экономь батарейку, — бурчит Ярик и вдруг дает короткую, на три, куда-то влево.

— Шо там? — я тут же скидываю теплак.

Ярик только что «спалил» позицию ДШКМ и явно сделал это не просто так.

— Не знаю, — сосредоточенно сопит Ярик и вдруг опять дает короткую. — Шось мариться.

— Ты ж позицию спалил, — лениво бурчу я и выключаю теплак.

— А то вони не знают, шо ми тут. Шо вони мені зроблять ноччю? Птуром не вийде, АГС свій можуть собі в жопу запхати, а іншим не попадуть.

Ярик садится на дно глубокой ямы и пытается закурить. Я отдаю ему теплак и спрыгиваю к пулемету. Провожу руками по его бокам, трогаю коробку, рычаги, ручки. Не знаю зачем — мне, наверное, хочется удостовериться, что пулемет в порядке. Странное желание.

Не, контратаку они уже проебали, раньше надо было, когда утром зашедшая сюда разведка взяла двух пленных. Я их видел на поле, когда две наших машины встретились с идущим навстречу бэтэром-восьмидесяткой, они валялись сверху, заваленные масксетью, сверху на них сидела пара разведосов, и один из них был вроде ранен. Или показалось. Надеюсь, что показалось. Теперь контратаковать поздно. Хотя по ситуации — скovyрнуть нас, восемнадцать человек, и зашедшую от нас левее шестую роту, и разведку в числе около десяти человек, и пятнадцать комендачей — нетрудно. Высыпать двести-триста мин на нас и сотню — на поле за нашими спинами, чтобы подмога не пробилась, потом выгнать два танка и под их прикрытием заехать на технике. Пока мы не зарылись. Но — не сегодня. Выдохлись они, что ли? Да и мы, кажись, тоже. С утра могут двинуть, кстати. Часика е четыре... Но у них там сейчас кипиш и бардак, все великие главные сепары бегают и ищут крайнего, так проебать наш вход под Докучаевск надо было уметь... О, еще серия мин... Поэтому, если назначат второпях атаку на четыре — как раз к полшестого выдвинутся, а там уже и посветлее станет, и люди хоть чуток отдохнут. Ненавижу воевать ночью.

Последние минуты дня. Мы, собравшись у чайника, который сейчас является

сосредоточием крох тепла, расписываем наряды. Половина наших уходит на всю ночь, помочь комендачам и разведке, которые растянулись жидкой цепочкой на полтора километра, вторая половина по двое заступает на охрану лагеря. Если это можно назвать лагерем. Себя и командира расписываю на четыре утра, собачье время, ну и если будет контратака, то как раз к утру. Контратаку я пропускать не хочу, я люблю быть в первых рядах разворачивающейся баталии.

Покурить, помотать головой и, не снимая грязных ботинок, заползти в спальник. Я бы снял — но тогда есть шанс, что не успею их обуть. Где-то в ледяной жиже под спальником есть каремат, но сейчас его разве что наощупь можно найти. Сдираю с пальцев мокрые перчатки, кладу их внутрь спальника. Выворачиваю шапку, снаружи она вроде немного суше — обдувалась ветром. Вокруг точно так же ворочаются укладывающиеся отдыхать люди. Застегиваю спальник, царапая замерзшими руками неудобную молнию, обнимаю автомат и закрываю глаза... И снова открываю. Где я положил медрюкзак? Аааа, вот он, недалеко, сверху мешка с консервами. Все. Четыре часа сна. Будете убивать — не будите.

Интермедия 1

Тем для описания много. Нет, не так.

Писать — это что? Это буквы и слова. Любой текст, по сути. А мне хочется (не дофига ли я на себя беру с этим вот «мне хочется»?) давать — сопричастность. Как-то передать в грязноватый и потертый экранчик китайского смартфона то, что вдыхается полной грудью, иногда застывая холодным комком в гортани, а иногда — жаркой лавой растекаясь по всем жилкам, закуточкам, уголкам.

Это, знаете, это вот кажется очень обычным и дико странным одновременно — все, что происходит.

Не любить заходить на обочину. Не любить зеленку, ну или то, что от нее тут осталось. Не любить выходить на открытое пространство. Не забывать рацию. Смотреть больше по сторонам, а не на дорогу.

Чистить автомат. Щуриться от последнего осеннего солнца. Класть руку на мокрый капот и чувствовать, как холодная влага пробирается мелкими каплями через перчатку. Стряхивать грязь с ног, безуспешно, но старательно. Чистить автомат. Привычно набрасывать броник, уже почти смирившись с его тяжестью. Прятать еду от мышей. И документы. И провода. Черт, да всё прятать от мышей.

Верить в людей. Хотя бы в некоторых. Улыбаться каждое утро. Не раскисать и не хандрить. Стараться ничего не забыть. Всегда быть внимательным. Всегда быть осторожным. Нет, не так. Всегда хотеть быть осторожным.

Знать, зачем ты здесь. Знать, вбить в себя, заколотить тяжелой кувалдой и навсегда: «Все будет хорошо». Знать, почему именно все будет хорошо.

Любить жизнь. Ненавидеть смерть. Чистить автомат.

А иногда — писать.

День второй

Новый день начинается в половине третьего. Снилось какая-то жуткая херня, калейдоскоп картинок, черная мгла гналась за нами, всех захватила и убила. Сажусь в спальнике, мотаю головой — все так же темно, ни черта не изменилось, кто меня звал?

— Маартііін, — сбоку появляется Ярик, становится на колени на мой спальник, чем еще больше топит его в грязь.

— Шо случилось? Все нормально?

— Мартін... Міняй пацанів. Холодно. Не можемо вже. Я ще нормально, а пацани вже доходять. Комендачі теж здулись. Скока зара? Давай хоч чоловіка чотири.

— Сейчас, погоди... Я понял. Жди.

Выползаю из спальника, опираюсь на автомат и тяжело встаю. Менять... Кем? Восемь человек на постах, четверо уже заступали на «охорону та оборону»... Еще два мехвода и два наводчика на бэхах, но их трогать нельзя, они при машинах по-любому. Броня должна быть готова в любую секунду.

Ярик чиркает зажигалкой и поджигает горелку газового баллона. Бренчит чайником, доливая воду, ставит его на огонь и замирает, глядя на него, сгорбившаяся фигура с АК-74 на груди в невидимом отблеске синего пламени. Протягиваю ему пачку сигарет, он молча кивает, вытаскивает две и отдает помятую пачку обратно. Опять горбится, пытаюсь согреться.

Бля, что же делать?

Та понятно — что. Не, командира будить не буду. Пойду я, Доки и... Талисман, мабуть. Трое — это лучше, чем ничего. Нормально, потянем. Так, батарейки к теплаку, и термос, термос... остался на старой позиции. Еще одну пачку сигарет, ну и цинк прихватить, чтоб пустым не идти. И лопату взять — будет холодно, хоть покопать можно. Вечная жизнь пехоты — один смотрит, второй копает. И Васю надо разбудить. Или не надо?

— Трое есть, максимум. Остальные устали.

— Бля.

— Все, больше некого. «Броню» нельзя брать.

— Аггга. В них — «ббброня», — пытается острить Ярик, шелкая зубами.

— Так, а шо это вы так мало воды в чайник налили? — из темноты появляется Мастер и плюхается на ящик с ОГ-9.

— Не спится? — я протягиваю сигареты и ему, но он принципиально курит красные, поэтому отмахивается.

— Поспишь тут с вами. — Мастер выдыхает струю дыма в начинающую появляться из чайника струйку пара. — Так. Пойду я, Талисман, Лунгрэн, Ваханьч, и два этих юных стрелка-олимпийца с брони. Будем считать, что мы уже выспались.

— С брони нельзя. Кто стрелять будет?

— Можно. Видел я, как они стреляют, можно безбоязненно в наряд ставить, на боездатність підрозділу не повлияет. Танцор, если что, сядет за стрелка, и кого-то из разведки привлечем, нехай оправдывають высокое звание самих злых негодяев сектора «Мэ».

— А я?

— А ты тут ебл... руководи. Командир нехай войной командує, а ты — всем

остальным.

Я смотрю на спящих пацанов. Вот просыпается Лунгрэн, получивший свой позывной в день приезда, потому что белобрысый и молчит, и рост у него — метр шестьдесят пять, и весу — килограмм шестьдесят, вместе с автоматом. Ваханыч бурчит, вытаскивая из грязи ботинок. Талисман подползает к Ярику.

— Я за тебе не піду. Ти мене хуесосив учора, я обідився.

— Я не хуесосив, а вказував на помічені недоліки, як младший сержант — младшому сержанту, — тут же откликается Ярик.

— Столько сержантов развелось — на хер некого послать, — бормочу я. — О, закипел.

Кипяток льется в немытые кружки с растворимой бурдой, разбрызгивая обжигающие капли на пальцы, щедрая рука Талисмана сыплет ужасающее количество сахара. Минут через пять они уйдут, я захочу пройтись по дороге, но вовремя передумаю, еще хлопнут свои же... Заползу обратно в спальник, мне еще целый час сна, невиданное богатство, которое нужно ценить.

Спустя час.

Снилась мне минометка. Выход, свист мины, бабах — и меня нет. Просыпаюсь от жужжания будильника на телефоне, разлепляю глаза. Бля, кажись, еще холоднее стало. Смотрю на нахохлившегося Доки, обнимающего АКМС.

— Докииии, — зову я, — а поставь чайник.

— Вы так всю воду выпьете, — бурчит Доки, но чайник ставит.

— И огонек подпали, — терпеливо произношу я и зарываюсь в спальник в поисках перчаток. О, вот они. Ни хрена не подсохли, но хоть теплые. Оооох, как все хрустит-болит, старый я уже для всего этого.

— Старый я для всего этого дерьма, — говорит Доки и обводит рукой скрытый темнотой окружающий мир. — Домой пора, на заслуженный отдых.

— Чем это ты его заслужил? Воюй, солдатег, не зайобуй дедушку, — я окончательно выпрямляюсь и тут же наклоняюсь к спящему рядом Танцору. — Товарищ генерал-лейтенант, вставляйте, блядей привезли!

— А? Шо? — вскидывается ротный и смотрит на меня тем самым взглядом между-вью-и-сном, часто моргая. Опять линзы забыл снять.

— Вставай, говорю, войну проспидь, — я достаю из кармана пачку влажных салфеток и протягиваю ему.

Эту процедуру я наблюдал каждое утро уже примерно миллион лет, то есть, шесть месяцев — Вася просыпался и вставлял в глаза линзы-одноразовки. Вытереть лицо салфеткой, потом пальцы, достать упаковку, впихнуть в глаза эти маленькие и нежные штучки. Не, однажды они у него закончились, и он надел свои ужасающие очки — но тогда я поклялся всем богам, что пешком схожу в Мариуполь, но достану ему линзы, а то в очках он страшен, как демон смерти, болезней и неурожая. Подействовало.

— Кофе? — произносит ротный в пространство, ни к кому конкретно не обращаясь.

— Ща тебе орки сделают кофе. Латте с карамельным сиропом и п.здюлями. Вставляйте, мон колонель, нас ждут великие дела и сепарская контратака.

— Если контратака — нам п.здец, — неожиданно бодрым голосом говорит Вася и вскакивает на ноги.

— Не-не, ты не перегибай. Повошкаемся еще.

— «Четыре-один», — говорит командир в «баофенг». Через полминуты от постов слышим «три-два», и последний комментарий от Мастера: «холодно, мля».

Передаю кружку с кофе, и мы, как-то автоматически подхватив палки-стрелялки, выбираемся на дорогу, на которой ветер с удвоенной силой бросается на еще в декабре купленную зимнюю форму и начинает терзать капюшоны. Из темноты появляется кто-то из разведки.

— Ну шо у вас, все в норме?

— В норме.

— А мы тут сепаров слушаем. Причем уже дня три как перехваты идут, — высокий разведчик кивает на наши «баофенги», — даже наш баофенг настроили. Они числовыми кодами говорят, кстати. Мы пока не раздуплились, но прикольно, что открытым эфиром п.здят.

— Например, так? — Командир опять берет радейку. — Четыре — один.

— Эээээ... — разведчик достает из кармана свой баофенг, из которого сыпятся «три-два».

— Нас вы слушали три дня, шпионы-перехватчики, епт, — я ржу неприкрыто, командир улыбается.

— Тю. Точно?

— Ну, из этого я делаю вывод, что числовые коды у нас нормальные, особенно если менять часто. Не вскрыли вы нас за три дня.

— А нормальные радейки где? — смущенный мужик кивает на свою «Нутера».

— Из авианосца забыл захватить. Жрачку на моих привезут?

— Должны.

— От и проверим. Все, давай, мы по постам. На связи, нашу частоту вы знаете, ги-ги.

И мы расстаемся.

Четыре часа спустя.

— Вот тут. Сюда заползаем, тут ВОП будет, — говорит Вася и ставит на желтую глину две улитки к АГС-у. Мы выше метров на десять от старой позиции. Когда она успела стать «старой»?

— Эээ... Николаич, я тебя, конечно, уважаю, и все такое... Только это не то место, которое нам определено.

— Ага. Но смотри сюда. По-перше, мы залезли на стратегическую высоту.

— Стратег, мля.

— Не гунди. По-друге, мы отсюда отлично видим и Докучаевск, и амонсклады, на которых, как ты прекрасно знаешь, находится прекрасно укрепленный сепарский опорник. Снизу мы их не видели.

— Это уже по делу. Но то такое. Все, что хочется, мы все равно не увидим ниоткуда.

— Ну и в-третьих. Тут берет и телефон, и интернет.

— Все, продано, — соглашаюсь я и опускаю цинк с вогами на землю. — Остаемся здесь.

— Я знал, как тебя убедить. Но вот дорога...

Мы зашли по укатанной грунтовке из смеси крупного щебня и глины на террикон. Ну, честно говоря, до высокого звания террикона этот отвал не дотягивал, но так уж мы привыкли. Проблема была, небольшая, и в тот момент мы не придали ей особого значения.